

An impressionistic painting of a vineyard. A path leads through rows of grapevines towards a building in the distance. The sky is a bright, warm yellow. The brushstrokes are visible and expressive, with a rich color palette of yellows, greens, blues, and reds.

Наталья Пряникова

САХАРНИЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Пряникова

Сахарница

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Пряникова Н.

Сахарница / Н. Пряникова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04353-4

Сборник юмористических рассказов "Сахарница" - воспоминания автора о детстве в северном военном городке, смешных казусах, произошедших с родителями, родственниками и друзьями. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04353-4

© Пряникова Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Сахарница	5
Трудности перевода	6
Рыба	8
Журавли	10
День, когда все друг друга искали	12
Любовь на седьмом этаже	14
Мой друг Генка	16
Красота спасет мир	19
Я, лыжи и лыжня	21
Хряк Полкан	24
Федор Тихонович, Афродита и Пушок	26
"Волк и семеро козлят" на самый новый лад	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сахарница

Когда мне было лет 6–7, мама купила в «Юбилейном» сахарницу. Для конца XX века она выглядела вполне оригинально, особенно в наших краях. Прибежав с улицы домой, я, обычно не проявлявшая интереса к посуде, как и все нормальные дети, увидела такую красоту на столе и сначала замолчала, потом закричала:

– Ого-го-го!!!

И восхищенно прилипла к ней, долго рассматривала, боясь дотронуться. Мне казалось, это самая красивая вещь на свете и каким-то невероятным везением она досталась нам. Я спросила маму затаив дыхание, не веря в возможность такого счастья:

– Ты подаришь мне ее когда я выйду замуж?

Мама засмеялась и заверила меня, что отдаст мне все, что мне захочется. И каждый раз, когда мы пили чай, я разглядывала сахарницу и думала, что потом я возьму ее себе и мой муж упадет в обморок, когда увидит такое богатство, и скажет:

– Что же ты молчала, что ты наследница с такой великолепной сахарницей!

И у всех, кто пил чай в нашем доме, всегда взгляд застревал на ней, и все замечали, какая у вас мол красивая сахарница. А мы жили на севере, где чай пьют по шесть стаканов десять раз в день, так что никто там не понимает что смешного, что Фрося Бурлакова заказала семь стаканов чаю, а сколько же их заказывать. А сахарница была центром этих церемоний.

И когда я выросла и уехала учиться, я приезжала к маме, и на столе меня встречала эта сахарница. Когда мы уезжали, мы взяли ее с собой, и она появилась на столе в новой квартире как вещь первой необходимости, раньше диванов, чтобы был чай, чтобы был дом. И когда я снова уехала жить в свой дом, приезжая к маме в любое время суток, хоть ночью – сначала видела свет на кухне (мама встала приготовить чай), потом чай с сахарницей на столе. Часто мама со смехом напоминала:

– Помнишь, как собиралась приданое-то себе взять?

А я говорила, что когда-нибудь возьму, но пусть пока здесь, с тобой, так хорошо.

И вот в пустой маминой квартире я увидела на столе пластиковую банку с сахаром. А сахарница заботливо убрана в шкаф. Ведь когда я приеду, буду так рада пить чай с сахарницей, которая мне так нравилась в детстве.

Трудности перевода

В 70-х в глухой северной деревне еще не было электричества и автобусов. А лес, чугунные утюги и волки зимой были. Однажды из подъехавшей телеги выпрыгнула восемнадцатилетняя девчонка в модном белом пальто, белом берете и белых сапожках на каблуках. До этого в деревне ничего моднее валенок с отворотами не видели, поэтому все сбежались посмотреть на нового фельдшера, прибывшего из далеких краев.

Деревенские очень скоро привыкли к «новой врачихе», которую звали просто Надюхой. Она тоже привыкла к местным нравам. Например, здесь не было ни заборов, ни замков на дверях.

– А пошто? – недоумевало население. – Вона палку поставь у двери, знач неть хозяйв.

Кому же придет в голову заходить в дом, в котором никого нет?

Также местный народ совершенно не давал работать, заставляя фельдшера при вызове гонять чай, пока не лопнешь. Вопрос «Чай будешь?» там не существовал вообще. Как и понятие «забежать на минуточку». Переступая порог дома, каждый автоматически попадал за стол. И только отдав дань церемонии чаепития, выпив не меньше шести стаканов, гость мог откланяться.

При первом посещении больного, мама, которая тогда еще не была мамой, а была просто Надюхой, пыталась отбиваться от гостеприимных хозяев с чаем, но те просто не понимали, о чем говорит этот человек. Никогда раньше они не слышали, чтобы отрицание и “чай” употребляли в одном предложении. Поэтому они просто улыбались и наливали маме чай, толкая ее в направлении стола.

– Ну хорошо, только одну чашку.

– А? Сколько? Одну чего?

Новый фельдшер сразу поняла, что чай пить придется, и нет никаких путей к отступлению. Пришлось научиться пить быстро, обжигаясь, и попутно спрашивать о жалобах. Но это оказалось еще труднее, чем отказаться от чая.

Когда, напившись чаю до одури, что у нее булькало в животе, мама приступала к осмотру, все пациенты говорили одни и те же непонятные слова:

– Ох, милая, кося коснит.

Она растерянно переспрашивала:

– Что?

Больные повторяли по несколько раз, на всякий случай громко крича в ухо фельдшеру (мож, глухая), но она все равно не могла понять, что за странная неизвестная болезнь поразила всех этих людей. Перерыв Справочник Фельдшера, она не нашла ничего подобного. А северяне стали сомневаться в компетенции нового врача, который таких элементарных симптомов не знает. По деревне шептались:

– Ох, сердешная, чему их тама учуть только, ничаво не знат.

Мама плакала украдкой, но не сдавалась.

Как-то шла она по деревне и услышала ругань у одного дома:

– Ах ты пес, глянь-ко, кося исть не хоч.

Фельдшер подскочила к хозяйке, которая кормила собаку на улице, и, схватив ее за ворот, стала трясти и кричать:

– Что ты сейчас сказала? Что это? Покажи! Что за кося, чтоб они сдохли.

Женщина испугалась ополоумевшую врачиху, но на всякий случай, улыбаясь как можно приветливее, успокаивающим голосом произнесла:

– Да ты што, милая, косяев не видала? Вона они, моя шельма исть не хочет.

Мама посмотрела на кость, лежащую перед собакой, которая с интересом наблюдала за ней, виновато виляя хвостиком, и надеясь, что не она причина нападения на ее хозяйку.

– Так это что, кости, что ли? Косья ваши – это кости??? Тогда что такое “коснит”, а?

Женщина недоумевающе смотрела на странную новую фельдшерицу, которую (слава богу), ей пока вызывать не приходилось, и думала:

– Откуль она приехала, с Турции што ль.

А вслух сказала:

– Ну как, коснит – знач коснит.

Мама взвизгнула:

– Синоним скажи, синоним!!!

Хозяйка отшатнулась:

– Какой те ешо аноним, ты што? Ну што ты, милая, ну коснит. Ко-с-нит. Понимаш? Ну вот я тебе счас стукну по ноге и будет коснить. Поняла?

Мама вздрогнула при слове «стукну», но на что не пойдешь ради знаний. В ходе длительных переговоров этих двух цивилизаций было выяснено, что коснит – значит, ломит.

С этих пор проблем в коммуникации не было, и мама спокойно выполняла свою работу, пока не появился мой папа, который тогда еще не был папой, а был просто Мишкой. Он не стал долго думать, как подойти к маме: ясное дело, путь к сердцу медика лежит через болезнь.

Когда на мамином пороге появился какой-то парень и сказал:

– У меня тут это... Косья коснит, в общем, – она долго то ли смеялась, то ли плакала, заронив тень сомнения в его сердце (мож, лучше ну ее, кто ее знает). Хорошо, что это была только тень, иначе мое будущее рождение оказалось бы под угрозой.

Папа стал так часто обращаться за медпомощью, что его мама совсем потеряла сон. Ранним утром она заваривала ему травы и ягоды и клала на лоб компресс из мокрыжника. Но болезный, не успев позавтракать, убежал за рецептом на порошки от нового недуга, которые стали поражать его молодое тело каждый божий день. Бабушка бежала за сыночком с плоской морошки и кричала вслед:

– Сынок, полежи, куды ты больной-то.

Но папа очень торопился за порошками, которые только и помогают от его хворей.

Все-таки лекарства помогли, и папа выздоровел, а бабушка узнала, что скоро свадьба, и была рада, что папа успел вылечиться до такого важного события.

Жениху и невесте пригнали нарядную телегу, в которой они тряслись часа два до города и сильно запылились. А потом карета застряла в канаве, а они, нарядные, пытались ее вытолкать из болота. Мимо проезжал грузовик с бревнами. Водитель остановился, узнал в невесте фельдшера, которая недавно принимала роды у его жены, сообщил, что младенца назвали Надюхой, и довез до самого ЗАГСа.

По пути у мамы ветром унесло фату, и она плакала, что будет выходить замуж просто-волосой, а папа с водителем успокаивали ее, что никто на нее вообще смотреть не будет, но она почему-то плакала еще громче.

Еще неделю кто-то ждал эти бревна, так как свадьба в деревне – дело долгое.

Я приехала в эту деревню уже лет в семь, на похороны бабушки. Меня очень удивило, что так далеко в лесу маму знают абсолютно все. И каждый вспоминает, кому она что сделала. Я слушала и не верила, что мама столько всего натворила. Даже кому-то ногу отрезала, но их это как будто и не беспокоит, – радуются, обнимаются. А когда недавно папа отпилил ножку у стола, мама так не радовалась.

Рыба

Папа был лесником. Уйти на месяц в лес, жить в землянке, зимовать «на хандоге», то есть на озере, и ловить рыбу, подарить маленькой дочке медвежий клык и обойму пустых патронов – все это было естественным порядком вещей.

Рыба у нас вообще была повсюду. Особенно, в ванной. Ну а куда же девать рыбу, которая живая доехала в папином рюкзаке, как вы думаете? Поэтому, бывало, когда я приходила из школы, а мама с работы, мы заходили в ванную помыть руки и видели, что там уже занято щуками, карасями, окунями и прочими хладнокровными. Ясное дело, в квартире номер 36 очередной раз открывался дельфинарий для всего двора. На мамин «плач Ярославны» – «Ну дай хоть помыться, изверг!» – папа выражал изумленное негодование:

– Да вы не мылись что ль?! Вам бы только мыться каждый месяц! А рыба где должна быть?

Мама делала большие глаза и выразительно молчала, всем видом демонстрируя, где место этой рыбе и вообще всей рыбе на планете. Я тоже прыгала вокруг них и вопила:

– Ну мамочка, ну пожалуйста! Мы можем мыться на кухне в раковине, пусть рыбка у нас останется!

Мама покидала место побоища с видом полководца, не сложившего оружие, и вынашивающего коварный план. И отправляя нас в выходной сладким голоском погулять подольше, встречала столом, поражающим изобилием блюд из рыбы. Папа вздыхал и садился за стол, а я, наивная, бежала в ванную поздороваться с Машей и Федей.

Нет, вы не подумайте, нормальное у меня было детство. Приходя из школы, я первым делом кормила крошками окуней в ванне, а гуляя на улице и увидев папу, который с таинственным видом крался домой, знала, что он несет за пазухой что-то интересное.

Однажды это был зайчонок:

– Вот, дочка, лес валили, а он выскочил, сдохнет.

Нет, не сдохнет, ведь ему попался папа, который принес его домой, и мы сделали ему дом в ящике. А ночью он будил весь дом барабанной дробью по доске. Папа с уважением говорил:

– Слышь, своих зовет.

А мама... Не буду повторять, что говорила мама. Нет, мы не ели зайчатину... Заяц ушел жить к кроликам, которых разводил папин друг. И нарожал много зайце-крольчат.

Я и мои друзья были детьми рабоче-крестьянского класса, которые ели икру из трехлитровой банки столовой ложкой. Столько было рыбы, мы ничего не могли поделаться. Иногда папа подзывал меня и говорил:

– Найди-ка, Наташка, банку побольше. И мне не надо было объяснять – зачем. Всю рыбу, которую папа поймал, мы отпускали в местное озеро. А мы стояли на берегу и смотрели, как одуревшие от счастья караси уносятся от не менее одуревших местных ротанов.

Папа жалел меня, городского ребенка. И в спорах с мамой, на напоминание, что у него дочка, девочка, де-во-чка:

– Да знаю я. Бедный ребенок даже медведя не видел.

Мама хваталась за сердце и пила валерьянку, а потом требовала поклясться всей рыбой и всеми ёлками на земле, что папа не станет показывать мне медведя. Папа опускал глаза, и ковыряя носком сапога паркет, бормотал:

– Да что уж там, так если только, случайно попадетсЯ...

– Кто случайно попадетсЯ???

– Да не, никто...

Нет, конечно, мы не говорили, что папа брал меня однажды в лес. Нее, не далеко, не туда, где тайга, а поближе. Зачем же мы будем маму расстраивать. Хватит с нее и того, что

еедочурка, которую мама наряжает в платья собственного пошива, а потом заплетает косички с прелестными бантиками, после всего этого вешает на шею медвежий клык на шнурке и с грозным видом предупреждает, что «возьмет логатину», если кто-то посмеет ей предложить его снять.

Для мамы было достаточно и того, что у папы целый город друзей. Друзей, у которых то дом строится, то жена рожает, то нога ломается. И все это не может происходить без папы. Его могло не быть дома, когда он там должен был быть, потому что «Витька же гараж строит», или дома можно было недосчитаться мебели, потому что «у Васьки же родня приехала с дитями». А дома вечером могли сидеть человек десять, нуждающихся в срочном уюте и ужине, потому что «они же ж с деревни нашей».

Друзья... Когда папы уже не было, а мы уезжали навсегда, я и мама, она вздохнула, глядя на тонну коробок и подъехавший железнодорожный огромный контейнер:

– Эх, как нам одним все это сделать, где все его друзья?

А друзья пришли, все человек двадцать, и все погрузили. Они пришли сразу, все, – «ведь у Мишки вдова с дочкой переезжают, надо помочь».

Журавли

У мамы с папой была самая веселая работа на свете. Мама работала на молочной кухне, где на карусели катались бутылки с молоком, а банки с творогом выскакивали из автомата. Конечно, мне бы тоже понравилось кататься и выскакивать. Так что маме с работой повезло. Но это еще что! Вот у папы не работа – мечта. Все хотят работать и гулять по лесу. Когда он берет меня в какое-то Управление, то по пути показывает, какие деревья он посадил. Получается, что все. Так что это мои деревья. А в Управлении тоже интересно – там играют в домино.

А однажды, пока я ждала папу, подъехала машина, откуда вылез нарядный дядя с лампами и в фуражке. Фуражка не такая красивая, как у папы, но тоже ничего. Он зашел внутрь, а из машины вышла девчонка и спросила, откуда у меня такие патроны. Я сказала, что патроны у меня от папы, а у него даже ружье есть.

– А у моего папы тоже ружье есть и даже пистолет. А твой папа кто?

– Мой папа самый главный. И весь лес наш.

– Как это самый главный? Мой папа подполковник, и то не самый главный. А твой тогда кто? Генерал? Ха-ха.

– А мой главнее генерала. Он елки сажает.

– Хи-хи. Ой, елки сажает. Ну насмешила! Что же тут главного? Мой папа командует всей армией.

Я расстроилась и буркнула:

– Мой тоже может армией командовать. Но у нас мама есть.

Мне не понравилось, что кто-то не считает моего папу главным.

Когда мы пошли домой, я с укором сказала папе:

– Ты не самый главный. Полковник главнее.

Папа удивился, потом сказал нехорошее слово, которое мне не разрешают повторять, поэтому приходится уходить в комнату, чтобы высказаться. Он спросил:

– А ты думаешь, все должны быть главными?

Я подумала и ответила, что все не должны, а папа должен, ведь кто сажает деревья – тот и главный. Вдруг папа замер, поднял палец и шикнул:

– Тихо! Слушай.

Я ничего не слышала, кроме машин, людей и пилы. Мы долго стояли посреди дороги и, задрав головы, смотрели в небо, но там ничего не было. Минут через пять папа показал рукой на точки в небе и восхищенно прошептал:

– Журавли. Видишь?! Журавли летят!

Я видела только точки. Но он еще больше меня озадачил, когда спросил:

– Слышишь, как кричат?

Вот чего не слышала, того не слышала. Машины гудят, вороны каркают. А, да, вроде слышу, как кричат. Нет, это кто-то другой кричит. Журавли же не могут кричать «Ах ты бесполочь бестолковая».

Вдруг и я услышала еле слышный писк. Эти точки летели так далеко, что даже если они и кричали, то слышно было только слабое пищание. Но это было удивительное пищание, заглушаемое шумом улицы, которая этого не слышала и не видела. Кто-то, увидев, как мы стоим, задрав головы, тоже посмотрел в небо, но ничего не увидел и, пожав плечами, ушел. А мы слушали прекрасную музыку и смотрели на летящие точки. Я подумала, что это очень красиво, ведь они летят там в небесных просторах так высоко, что, наверное, видно космос, и поют свою песню. А мы, тут, на земле, их увидели и услышали.

Дома я спросила маму:

– Мама, ты знаешь, кто самый главный?

Мама рассеянно ответила:

– Не знаю. А кто? Мэр?

Я отрицательно покачала головой с очень мудрым видом и сказала:

– Наш папа. Наш папа – самый главный. Только он слышит журавлей.

В школе на уроке природоведения на вопрос – где живут журавли, я сразу вскочила и воскликнула:

– В небе! Они живут в небе!

Каждую весну и осень я ждала этого единственного дня, когда вдруг повседневный шум прорежет тоненький, еле уловимый звук, и в небе покажутся движущиеся точки. Каждый раз я останавливалась и слушала их, смотря в небо, приводя в замешательство окружающих. А прибежав домой, спрашивала папу:

– Слышал?!

Папа улыбался и кивал. Мама переспрашивала:

– Кто кого слышал?

Мы говорили:

– Журавлей.

Мама смеялась:

– Вы что, в телескоп смотрели?

А папа отвечал:

– Чтобы увидеть главное, телескоп не нужен.

День, когда все друг друга искали

В маленьком военном городке милиция очень скучала. Милиция быть должна, а делать ей нечего, потому что в маленьком военном городке ничего не происходило. Нет, конечно, кошки залезали на деревья, а в школах надо было рассказывать о правилах дорожного движения, но на этом все.

Если не считать доблестного поступка милиционера, который целый час конвоировал по городу девочку, которая подумала «А почему я не хожу по дороге, где машины ездят? Так ведь быстрее!», а когда за ней послышался голос из громкоговорителя: «Девочка, сойди с дороги на тротуар, ты в опасности», то только быстрее побежала вперед. Поэтому доблестный страж порядка вместо того, чтобы выйти и надрать уши, ехал за ребенком, сопровождая сию персону до места назначения, время от времени взывая к ее разуму в громкоговоритель.

Я все это видела своими глазами, потому что была той самой девочкой. В свое оправдание хочу сказать, что машин у нас было мало, а людей много, поэтому я и решила, что глупо занимать собой только одну дорогу, когда вторая почти пустая. И на призывы милиции уйти с дороги я не реагировала по той причине, что не понимала кому это он все говорит и зачем за мной едет.

Милиция жила спокойно. Но один день пришлось поработать. Это был день, когда к нам приехали родственники – мамина сестра с мужем и дочкой. Мы все дружили: папы с папами, мамы с мамами, дети с детьми. Папы соблюли все приличия, посидев с нами полминуты и сказали, что пойдут в гараж. Конечно, мамы знали, что супруги будут выпивать, но кто ж не выпьет, когда встречаются лучшие друзья. Папы ушли, остались мамы и дети. Прошло какое-то время и мамы забеспокоились, что благоверные в отсутствующем виде слишком долго. Они по всем канонам жанра нуар, застегнули плащи, накрасили губы красной помадой, и, тряхнув гривами, с воинственным видом покинули нас, бросив у двери: «Никого не впускать! Особенно этих козлов!» Мы твердо пообещали держать осаду, хотя насчет козлов не совсем поняли.

Папы ушли, мамы ушли, остались дети. Звонок. Открываем дверь и видим моего папу с разбитым носом. Мы пролепетали: «А мам нет, они ушли вас искать». Папа высказался по поводу некоторых предприимчивых дам и сказал, что пойдет всех искать, и чтобы мы никого не впускали, особенно этих куриц. Пока мы обдумывали информацию насчет куриц, снова зазвонили. За дверью стоял милиционер с дядей Юрой. Он спросил голосом, точно таким, как в советских фильмах про милицию: «Девочки, это ваш папа?» Мы закричали: «Наш, наш, отдайте его нам! Не сажайте его в тюрьму, пожалуйста!» Милиционер пожал дяде руку: «Так бы и сказал, что к Мишке приехал, а то два часа катались». И только собрался откланяться, но, когда мы проямлили «А мамы тоже потерялись», встал как вкопанный и с горящими глазами спросил «где, когда, как, кто, почему, куда, зачем?» и еще парочку вопросов. Потом ушел, опять же как в советских фильмах про милицию, взяв под козырек, и настоятельно порекомендовав не только никого не впускать, но и никого не выпускать.

Прошла всего минута, как дядя, вскочив будто ужаленный, завопил «Чего я, дурак, сажу? Они же меня, наверное, ищут!» и убежал искать мам и моего папу, которые в это время искали его и папу, а папа мам и дядю. Мы сели в прихожей ждать следующего звонка в дверь, делая ставки, кого принесет на этот раз.

Принесло мам. Мы сообщили в хронологическом порядке о визитах папы, милиционера и дяди. Мама, закричав «Дурни, они же, наверное, нас ищут!», убежала. Мы с сестрой решили, что закрывать дверь в этот день уже не стоит, и пошли спать. Потом сквозь сон мы слышали, как кто-то то приходил, то уходил, то две ноги топали, то четыре, по очереди в комнату заглядывали то одна голова, то две, то три, при этом составляющие постоянно менялись и чередовались. Всякий раз головы заверяли нас в успехе поисковых мероприятий, но снова убежали

искать того, кто ищет их, и наоборот. Утром же мы вылезли на кухню и увидели, как родители в полном составе, как четыре всадника апокалипсиса после тяжелой ночи, мирно болтают как ни в чем не бывало. Но при виде единственных людей, которых этой ночью никто не искал, всадники зарделись как на смотринах и честно признались, что окончательно всех их нашел наш доблестный милиционер.

Папы в гараже, приняв на грудь, не сошлись во мнении с владельцами других гаражей и немного подрались. При этом дядя, который не знал города, оказался среди одинаковых гаражей и стал искать дорогу обратно, а папа стал искать дядю. Но дядю нашла милицейская машина. Машина сказала: «Гражданин, вы какой-то подозрительный». Гражданин ответил, что он не подозрительный, а иногородний, из далеких теплых краев, где нет столько проклятого снега, как у вас, в котором у нормального человека ноги заплетаются. Из машины хохотнули, что меньше пить надо и заметили, что нормальные люди дома спят. На что дядя возразил, что он нормальный, и готов это продемонстрировать любым возможным способом.

В машине предложили располагаться со всеми удобствами. Дядя сел, озвучивая свои права не давать показания без адвоката, как в американских фильмах про полицию. Милиционер засмеялся:

– Ладно, давай, говори адрес.

Дядя адрес назвал:

– Квартира 36, начальник, хы.

Тот тяжело вздохнул и стал возить незадачливого туриста по городу для опознания дома. Но дома у нас были все как один, типовые пятиэтажки. Пришлось заходить в каждую 36-ю квартиру каждого дома. В нескольких квартирах признались, что это их папа, в нескольких – что это их муж, в какой-то заявили, что этот мужик здесь постоянно околачивается, во многих предлагали погостить у них, раз уж своя квартира потерялась.

К тому времени, когда они позвонили в нашу квартиру, мой дядя уже не был уверен, что он мой дядя. Милиционер, доставив дядю к месту, не мог даже представить, что через час снова его найдет. Куда его везти, он уже знал. Они нашли папу, нашли мам, но до того момента, когда измученный милиционер – как курица разбегающихся цыплят – собрал наконец в одном месте всех четырех людей, прошло много времени, и они еще несколько раз находили и теряли друг друга, а найдя одну потерявшуюся часть, бросались искать другую, теряя при этом первую.

Милиционер доставил всех в квартиру номер 36, которая зарекомендовала себя в его глазах не хуже булгаковской, и гостеприимно предложил заглядывать в наши края почаще (наверное, скрестив пальцы за спиной), на что иногородние гости, закатив глаза, предложили лучше заглядывать к ним.

Всю последующую неделю до отъезда гостей наши родители смеялись и кричали, размахивая руками – «А помнишь..?!..а он-то..., а мы-то..!»

«Хорошо, хоть мы нормальные» – глядя на них, думали их дети.

Любовь на седьмом этаже

Наша квартира находилась на седьмом этаже, где были еще пять квартир. И я пребывала в уверенности, что эти квартиры тоже наши, и мы все живем в таком шестикомнатном доме.

Все соседи без исключения любили меня, потому что я была самая маленькая. Правда, еще была Юлька, но она пока не умела говорить, так что с ней было неинтересно. А я уже ходила в садик, жила интересной жизнью и могла рассказать множество стишков, спеть множество песенок и станцевать.

Вечерами я делала обход и проверяла, что происходит у людей в жизни, и приходила к выводу, что у всех происходит любовь.

В первой квартире жил Андрюшка с бабушкой и печатной машинкой. Андрюшка носился туда-сюда на велосипеде, но меня интересовала только бабушка с машинкой, которая сама по себе представляла для меня ценность больше, чем все игрушки в этом доме. Когда за машинку садилась бабушка, начиналась трескотня и щелкотня, а бабушка светила глазами, бормотала что-то, хихикала сама с собой и с кем-то говорила. Я сидела рядом и восхищалась тем, как быстро щелкают кнопки, оставляя за собой буквы, а бабушка бубнит и никого вокруг не замечает. Андрюшка пояснял:

– Бабуля у нас того, папа говорит, она «чиканутая».

Я уважительно смотрела на чиканутую бабулю и хотела тоже так чикануться, когда вырасту. Однажды бабушка вдруг заметила меня и спросила:

– А, вот и вы, барышня! Ну что скажете, как лучше написать – дорогой или драгоценный, а?

Я подумала и сказала, что «драгоценный» – как-то более подходяще, особенно если речь идет о коробочках или бусиках. Бабушка подняла очки на лоб и протянула:

– Бусикааах?

А потом так долго хохотала, трясая головой, что я сразу поняла значение слова «чиканутая». Но бабуля серьезно сказала:

– Нет, юная барышня, у меня тут речь не о бусиках, а о самом для меня дорогом человеке, которого уже нет на свете, об Андрюшином дедушке, и я пишу о нем, чтобы эти воспоминания не умерли вместе со мной. Вот ты подрастешь и считаешь, правда?

Я пообещала прочитать, как только научусь, а старушка снова унеслась далеко в прошлое, и глаза ее светились, как у молодой девушки.

В следующей квартире жила мама Юльки, и я любила смотреть, как она вертится перед зеркалом, красит волосы и все, что у нее на лице, напевая при этом «Шумел камыш, деревья гнулись», и подмигивает мне накрашенным глазом. А потом приходил с работы Юлькин папа и кружил хохочущую Юлькину маму по всей квартире. Я сделала себе пометку на будущее – обязательно буду краситься вся с ног до головы, пусть и меня кружат. А пока надо потренироваться, акварельные краски у меня есть, если что возьму у мамы на трюмо, у нее там целая коробочка разных тюбиков и кисточек – специально, чтобы красить женщин.

В третьей квартире жил какой-то старый военный чин, который делал рыбок из капельниц и иногда дарил мне. Еще недавно мне открывала дверь его жена, а сейчас он был совсем один со своими капельницами, которых у него было очень много. Почему-то он называл меня матерью, хотя я точно знаю, что он никак не мог являться моим сыном, будучи лет на шестьдесят старше. Встречая меня, он всегда радовался:

– Ну что, мать, как жизнь молодая?

Я все ему рассказывала: что в саду сплошные дрязги и интриги, а Танька с Денькой решили пожениться, но им не разрешают до совершеннолетия, и они играют в жен и мужей

и хотят, чтобы я была их дочкой, а я никак не могу – потому что на прошлой неделе сама собиралась пожениться с Денькой.

Старый военный очень внимательно меня слушал, ни разу не улыбнувшись, а потом вздохнул и произнес:

– Да, мать, такая она, любовь-морковь, – и дарил мне рыбку.

В соседней с ним квартире жила тетя Лариса. Она все время играла на гитаре и пела песни про любовь. Благодаря ей я познакомилась с репертуаром певцов всех времен и народов. Как-то я спросила тетю Ларису:

– А песни не про любовь бывают?

Она замолкла и уставилась на меня, как будто впервые увидела. А потом пропела:

– Только любовь правааа.

Я поняла, что говорить она не умеет и изъясняется только песнями, и сидела слушала дальше.

Рядом жили муж с женой, которые тоже не умели говорить, и постоянно ругались. Мне всегда было интересно наблюдать, как они, угощая меня каким-нибудь яблоком, начинают ссориться из-за всего, живописуя мне недостатки друг друга. Мне нравилось смотреть на эту картину, потому что я знала – когда кого-то из них не было дома, то по одиночке они грустили и рассказывали мне, как они познакомились и какой хороший у них супруг(а) и как тошно, когда этой заразы нет дома. Я понимающе кивала, – как же, знаю-знаю, у нас в саду все точно так же.

Потом я шла домой. Мама, взглянув на меня, интересовалась – не надоела ли я еще соседям, и что у них происходит. Я безнадежно махала рукой – у них происходит любовь и больше ничего. У нас еще восемь этажей по шесть квартир на каждом. Надо сходить и к ним, – посмотреть, как там они любят.

Мой друг Генка

Когда-то у детей было одно хорошее средство связи. Если друг живет в соседнем доме, то можно драть глотку с балкона. А если друзья – соседи в три этажа друг над другом, то хорошее средство связи – это батарея. Надо всего-то шарахнуть по стояку и, если ты нижний этаж, встать на стол и орать в потолок у стояка:

– Генка, выходи гуляять!

Если же ты верхний этаж, то орать в пол. А если этаж, где живет дядя Ваня, то, соответственно:

– Вы, спиногрызы, (три минуты нецензурной брани) задолбали уже! Поднимите свои ж... и двигайте ходулями!

А мы, воспитанные и вежливые дети, орали в ответ:

– Здравсьте, дядь Вань, у нас нет ходуль!

Над Генкой жила Танька, и наш многострадальный стояк выдерживал налет троих налетчиков, пока родители не подарили ей детский телефон – два аппарата, соединяющиеся проводом, который можно провести из квартиры в квартиру. И подлая Танька стала болтать с Генкой не по стояку, а по телефону, так что мне и дяде Ване ничего не было слышно. Приходилось отдуваться за всех и долбить по стояку, пока Генка не перестанет болтать с этой змеюгой и не присоединится к беседе со мной по батарее. Надо ли говорить, что визиты сантехников были не редкостью в нашем подъезде.

У нас были свои условные сигналы: один раз – «выходи на улицу», два раза – «мне вле-тело, сиюю дома, приходи». А три раза – «иди на балкон». Адресат идет на балкон, и сверху на веревочке спускается корзинка с гуманитарной помощью в виде котлет или еще чего-нибудь для поддержки духа, наверх она поднимается с ответными подарками.

Родители иногда спрашивали: «Дети, вы живете в одном подъезде в метре друг от друга. Не проще ли подняться или спуститься по лестнице?» От такого у нас челюсть падала на пол. По лестнице?!?! Это когда у нас есть батарея и балкон??? Ну что за нелепые мысли приходят взрослым в голову порой!

В школу с Генкой мы шли вместе. Он нанизывал на большую палку наши портфели, и, перекинув ее за спину, согнувшись в три погибели, тащился за мной, а я плыла, как царь-лебедь. Папа, на своем пункте наблюдения у окна, всегда качал головой – «Эх, бедолага, держись».

Как-то мне купили портфель, который я я мыла шампунем и нежно вытирала махровым полотенцем. И конечно, никогда (никогда!) не ставила его на пол! Генка относился к сумкам, как нормальный, поэтому не ведал что творит, когда однажды, устав тащить палку с нанизанными на нее портфелями, встал отдохнуть и вытереть пот со лба, поставив портфели на чистый белый снег. Увидев такое святотатство, я завопила: «Ты поставил мой портфель на снег!!! Ты. Поставил. Мой. Портфель. На Снег!!!»

В это время мои родители, побросав все дела, припали к окну, и мама, схватившись за сердце, в ужасе прошептала:

– Он что сейчас сделал? Он что, поставил ее портфель на снег?

Папа вздохнул:

– Беги, мужик, спасайся.

Мама, прикрыв глаза, всхлипнула:

– Такой хороший был мальчик.

Дальше они наблюдали, как я гоняю Генку палкой по всему двору. Этажом выше его родители, наблюдая ту же сцену, одобрительно кивнули:

– Смотри, Наташа с Геночкой играют. Как хорошо, что наш остолоп дружит с такой хорошей девочкой.

На следующий день Генка принес мне пачку своих высоко ценимых рисунков корявых грузовиков. А я, когда играла в школу... Да, я играла в школу одна, потому что со мной в школу никто не играл. Почему-то им не нравилось, что я ставлю двойки, вызываю родителей и выгоняю с уроков – и все в течение одного урока. Поэтому я играла одна. У меня был настоящий журнал, где были фамилии всего моего класса, куда входили также соседи, друзья и родители. И не могу сказать, что они могли похвастаться успеваемостью. Если бы они заглянули в мой журнал, то устыдились бы своих оценок и узнали бы, что все они второгодники и двоечники. Двойки же я ставила потому, что они красивее пятерок. И всем Генкиным рисункам я вклеила двойки, а одному страшному грузовику даже двойку с тремя минусами. Когда Генка пришел в гости и увидел, что его картины оценены не столь высоко, как он думал (да и думал ли он вообще, что рисункам кто-то будет ставить оценки), он выпятил губу и дрожащим голосом проямлил:

– А почему, почему? За что?

Я пожала плечами:

– В школе был урок рисования, класс снова не справился.

Но я была хорошим другом. Когда однажды Генка появился на пороге с отцовским огромным чемоданом и заявил:

– Я ухожу. В Америку. Ты со мной?

Я, не думая ни секунды, сказала:

– Дай мне одну минуту.

И пошла за чемоданом. Мы еле выволоклись из дома.

– Куда пойдем? – спросил Генка.

– Давай к общежитию, – предложила я.

Мы залезли с чемоданами на ограду, достали буханку из скудных припасов и стали по очереди грызть. Шедший мимо дядя Ваня-сосед, увидев нас, приостановился:

– Что, спиногрызы, из дома выгнали?

– Нет, мы едем в Америку.

– Валяйте, отчаливайте! Если че, я вам денег дам, ха!

Вдруг к нам подошла какая-то мелюзга в трусах и прошепелявила:

– Цё вы тут сидите? Это мой двол.

Мы объяснили, что мы ни в чем ни во дворе, а в Америке. Мелюзга, услышав о новой игре, завопила:

– Лебятя, айда иглать в Амелику!

Через полчаса дядя Ваня наблюдал из окна, как из двора во двор шныряют маленькие эмигранты с огромными чемоданами, и облегченно вздохнул:

– Ух, наконец-то, отдохнем от вас, кровососы.

Но вскоре он, не успев насладиться тишиной и покоем, услышал, как на улице бегают родители кровососов и жалобно кричат:

– Машенька! Васенька! Оленька! Где же вы?

Дядя Ваня, выругавшись «Чего им не живется, сдались им эти кровопийцы», высунулся в форточку и гаркнул:

– Да в Америке они все, в Америке, дайте поспать!

Одна бабуля бухнулась в обморок, остальные же столпились под окном единственного осведомленного человека и потребовали объяснений. Дядя Ваня порекомендовал всем разом идти в одно место, но все же указал координаты Америки, и очень скоро нас депортировали с нашего забора восвосяи с конфискацией имущества.

Однажды зимним утром я решила пораньше пойти в школу, но не успела я сделать и несколько шагов, как метель исхлестала меня по лицу, а сугробы, как зыбучие пески поглотили мои валенки. Я развернулась и пошла домой, уверенная, что до школы сегодня никто не доберется. А дома благополучно уснула и не слышала, как долбили по косяку и звонили в дверь. А вечером родители очень удивились, что я прогуляла школу. Но родители еще ничего, вот Генка орал, как разъяренный лев:

– Ты где была? Ты зачем в сугроб влезла? Ты зачем по дороге не ходишь? Я думал, ты провалилась! Дура!

Генка был рядом, когда я падала или, оступившись на лестнице, скатывалась колом по всем пролетам, а он бежал за мной и кричал:

– Наташка, стой! ты куда так торопишься, меня подожди!

А потом, поднимая меня за шкурку, уважительно хвалил за новый более быстрый способ спускаться с лестницы. Дядя Ваня иногда высовывался в окно и тоном Далай-ламы поучал Генку:

– Слышь, мужик, тебе это надо? Бабы – зло. Послушай мудрого человека, брось это дело, потом же «спасибо» скажешь.

Генка хлопал глазами и молчал, а потом, взваливая палку с портфелями за спину, пихал меня вперед, как будто я забыла дома свои костыли.

Красота спасет мир

У папы были весьма жесткие стандарты красоты для XX-го века. Попробуй найди на улицах горда красавицу с длинной косой, без косметики и в платьях. Я, зная об этом, очень любила провоцировать его на несанкционированный митинг за натуральность женщин. Увидев по телевизору какую-нибудь коротко стриженную разукрашенную красотку, я звала папу:

– Папа, смотри, какая тетя красивая.

И забавлялась, наблюдая, как папа плюется и возмущается:

– Да что красивого-то? Да это разве красивая? Да не дай бог приснится такая – паралитиком сделаешься. В огороде пугало красивее и то. Тьфу, кикимора!

Приходя из парикмахерской, окрыленная химической завивкой и хной мама, не успевала отбиваться от папиных комплиментов:

– Тьфу! Как баран. Еще и рыжий.

Но мама же не для папы так старалась, а для подруг – когда они увидятся, то будут долго щебетать, кто, чем, когда и где красился, завивался, одевался и т.д. Как раз у мамы в подругах была тетя Инга, на которую у папы была аллергия и он очень боялся, что она ему приснится и он сделается паралитиком. Поэтому, когда она приходила, папа уходил, буркнув за дверь:

– Тьфу! Чучело!

Глядя на тетю Ингу, все понимали, что этот человек не приемлет полумер и компромиссов. Она представляла собой концентрат всех нахимиченных и раскрашенных женщин во всей вселенной. От взмаха ее накладных ресниц нашу семью, включая кота Пушка, слегка штормило. Вместо лица у нее была рекламная кампания всех существующих видов косметики. Волосы тети Инги, раз и навсегда начёсанные и налаченные, стояли нерушимым монолитом так, что можно было спокойно положить на них вазу с фруктами, что я и сделала. Правда, не вазу и не с фруктами, а тарелку с манной кашей, потому что именно ее я ела, когда она пришла и уселась за стол. Тетя Инга даже не заметила, как я подошла сзади, а мама сделала мне страшные глаза. А я чего? Я ничего. Носят же африканки на головах бананы. Тетя Инга ничем не хуже.

Кроме яркой и блестящей головы, на тете Инге было множество побрякушек – браслетов, бус, цепей, серег и колец. А одежду без люрекса, страза, бисера, пайеток и болтающихся элементов она и одеждой-то не считала. Пушок любил поиграть под столом с какой-нибудь свисающей с ее наряда финтифлюшкой, а я стояла рядом и любовалась своим отражением на ее платьях.

По уровню издаваемого шума, звона и излучаемого блеска тетя Инга вполне могла бы единолично заменить своей персоной бразильский карнавал, береговой маяк или систему оповещения.

Тетя Инга была военной. И муж у нее был военный. И дочь ее была военной. Поэтому она общалась с нами преимущественно строевыми командами. Ее визит обычно выглядел так:

Мама: – Привет, Инга, дорогая!

Инга: – Вольно, Надюха!

Мама: – Пойдем чай пить.

Инга: – Шагом марш!

Мама: – Тебе какого чаю?

Инга: – Надюха! Смиррна! Я сама налью. Отставить!

Заметив меня, тетя Инга вежливо интересовалась моими делами:

– Так! Салага! Докладывай! Как дела?

– Х-хорошшо, – блеяла я.

– Так держжать! Разойдись!

Нашу семью, как и свою, она величала «отделением».

– Отделение! Че за морды кислые? Команды киснуть не было! Отставить! Раз-два!

Мы с мамой слушались ее, как умели. Но тетя Инга никогда не была довольна нашей боевой подготовкой. А Пушок вообще не понимал никаких человеческих слов: ему что налево, что направо, что шагом марш – ничего святого. Сидя на кухне, искрящаяся и переливающаяся тетя Инга обычно курила и ругала на чем свет стоит абсолютно все и всех, начиная от кассирш в магазине и заканчивая новогодней елкой на площади.

– Нет! Ты видела, елку поставили в центре площади? (драматическая пауза). И гирлянду повесили!!! (еще более драматическая пауза). Нет! Ну могли бы уж сразу сигнальные огни зажечь! Пусть уж нас из космоса будет видно! Елка! Гирлянда!!!!

Мама трагически качала головой и прятала улыбку.

– Нет! Ты видела? В магазинах продавщицы ни бе ни ме! Я ей грю по-нормальному «Кругом!», а она лупышами хлопает и стоит. А у нее сзади картошка рассыпалась. И не видит, беспоточь. Нет, ну народ вообще человеческого языка не понимает. Как жить-то? А?

Мама отворачивалась к плите, и делая вид, что ставит чайник, сотрясалась всем телом. Тетя Инга, высказав тревоги относительно судеб мира, уходила, а папа приходил и спрашивал:

– Клопов что ль тут травили? Навоняли-то.

Когда мы бывали в гостях у тети Инги, то, как правило, слепли от султанского убранства ее дома и глохли от команд, издаваемых тремя генералами на плацу.

Однажды тетя Инга притащила к нам сверток и торжественно отрапортовала с порога:

– Надюха! Отставить ходить, как мымра! Равняйся на современную моду! Раз-два! Я тебе джинсы достала.

Мы с мамой всполошились при этих словах. Я – потому что подумала, что тетя Инга принесла джина. А мама, видимо, по своим причинам. Когда тетя Инга с торжественным видом разложила на диване какие-то синие штаны, я издала вздох разочарования, а мама – восхищения.

– Ой, не знаю, – лепетала мама, – я в штанах-то и не ходила никогда.

– Отатавить быть нюхлей! Равнение на красоту! Раз-два! Шагом марш примерять!

Мама нерешительно натянула на себя джинсы, а я по-тихоньку их потеряла на всякий случай – а вдруг. Тетя Инга была очень довольна.

– Надюха! Так держать! Отставить вертеться! Смирна! Ты прекрасна! Скажи, салага?

Салага (это я) была не совсем уверена, что это ее мама, и всхлипнула. Но тетя Инга рявкнула, что команды реветь не было. Тут пришел папа. Я побежала к нему с радостным воплем:

– Папаа! Тетя Инга джина принесла! И маму в него нарядила! Пойдем ее потрем!

Папа нерешительно заглянул в комнату и, увидев маму в джинсах, сумел вымолвить только исчерпывающее:

– Епт!

Тетя Инга хлопнула папу по плечу:

– Так точно! Отделение! Вольно! Так! Инга Батьковна! Разойдись! Шагом марш! Раз-два!

Человек-праздник умаршировал восвояси. А наше отделение осталось изъясняться исключительно человеческим языком, используя преимущественно междометия и экспрессивные восклицания.

Я, лыжи и лыжня

Зимой у нас всегда было много снега, даже слишком. А где много снега, там лыжники, а где лыжники – там лыжня. Поэтому зимой все уроки физкультуры проходили в лесу. Это означало, что в дни с физкультурой мы тащим в школу лыжи и палки. А для меня это означало, что свой портфель мне придется нести самой, потому что Генка тащит четыре лыжи и четыре палки. А еще в этот день придется мне прогулять все уроки, точнее прокатать, потому что сложно найти более неспортивного человека, чем я.

Когда весь класс, проехавшись в лесу по лыжне вместе с учителем, возвращался в школу на уроки, я стояла еще только в начале лыжни. Обычно я стояла долго, потому что ждала попутного ветра в спину, который иногда дул так, что и палки были не нужны. Правда, иногда он дул в обратную сторону, и мне приходилось становиться задом к лыжне, чтобы доехать до места назначения. Я так делала потому, что не любила, нет, просто ненавидела кататься на лыжах. А еще я считала, что любой человек в здравом уме должен так делать. Все должны стоять и спокойно ждать попутного ветра. Но пока только я была в здравом уме.

Поначалу меня ругали, потом смеялись, но в конце концов, оставили в покое, потому что человека, который ждет попутного ветра, стоя в лесу, не так-то просто в чем-то убедить.

Я стояла в лесу одна (спокойно, дети 21-го века), и никто меня не искал. Мне не было одиноко – вокруг были елки. Дождавшись попутного ветра, я продолжала стоять, потому что дальше за меня все делал ветер. Иногда ждать приходилось долго, может быть, ветру надоедало, что два раза в неделю в лесу стоит одна и та же девчонка и чего-то от него требует. Когда в спину начинало дуть, я недовольно ворчала:

– Ну наконец-то! Уже все уроки, наверное, кончились.

Вообще-то я была только рада, когда меня придувало к закрытой школе и можно было спокойно идти домой (не виновата же я, что они меня не подождали со своими уроками). Но ветру лучше об этом не знать, а то совсем обленится.

Когда же было ветрено, то я вваливалась в класс посреди уроков заснеженным сугробом.

Да, спорт меня совершенно не интересовал, и я не интересовала спорт. Но, когда ко мне подошла моя одноклассница Анька и спросила, не хочу ли я поехать на тринадцаткилометровую лыжню, которую проложили в лесу для безумных лыжников, каждую зиму истязавших себя лыжами в наших лесах, я, даже не раздумывая, сразу согласилась. Анька спросила, а я ответила, потому что я завидовала ей, а она завидовала мне. И наша черная зависть свела нас крепче самой крепкой дружбы.

Я уважала Аньку за то, что она познала жизнь. А завидовала, потому что она была, по словам взрослых, «из неблагополучной семьи». Анька могла гулять на улице сколько угодно, хоть до утра, никто ее не звал с балкона, как остальных детей, никто не искал, когда она не приходила к девяти часам вечера, – не это ли счастье? Она могла ходить в любой одежде, в какой захочет, даже без шапки в мороз, или в кедах по снегу. Да, повезло, не то что мне, которую закутывали в шубы-шапки-шарфы, а мама еще и вязала мне шерстяные штаны. Анька могла есть что хочет, а могла и не есть вообще, никто не заставлял ее три раза в день принимать питательную и калорийную пищу, а я уже совсем замучилась со своими родителями.

Однажды я все это высказала маме в ответ на ее неправомерные требования непременно носить шапку, когда на улице минус тридцать. Даже если на календаре 1 марта. 1 марта, товарищи!!! Весна!!! А мама говорит:

– Ты почему без шапки?

Ну как объяснить человеку? Но я пытаюсь:

– Так первое марта же.

Но у взрослых с логическими выводами вообще туго, поэтому мама, как всегда, не поняла:

– И дальше что????

Уфф! Даже ангельскому терпению приходит конец и я в гневе взываю к справедливости – почему некоторым можно все, пока другие мучаются и страдают!

Мама, узнав, что на свете есть ребенок, который ходит, где хочет, ест что хочет, и гуляет зимой без шапок, видимо, не могла жить спокойно, пока не лишит этого ребенка его счастья. Она долго смотрела на меня и вместо того, чтобы продолжить ругаться, тихо сказала:

– Приведи к нам эту девочку.

Эх, сдала я тебя, Анька, сдала. Теперь и тебе житья не дадут.

Анька, надувшись, выслушала предложение прийти в гости и настороженно согласилась. Когда она появилась на пороге нашей квартиры, мои невозможные родители налетели на нее, как вороны на голубку, приглашая за стол. Пока Анька, исподлобья разглядывая всех нас, вкушала картошку, мама зашивала ее рваную куртку, украдкой вытирая слезу. А я сочувственно шепнула Аньке:

– Ну все, держись, подруга.

Уходя от нас, притихшая и обьевшаяся Анька, со злостью сказала:

– У тебя самые лучшие в мире родители! Особенно папа, он самый классный. Даже не дерется.

Я попыталась представить папку дерущимся – и рассмеялась. Мне, конечно, известно, что у Аньки вообще нет никакого папы, зато есть отчимы, но все же... Мои родители – самые лучшие? Они что, генералы? Я доверительно сообщила, желая уравниаться с Анькой хоть в чем-то:

– Зато мама меня бьет.

Анька обрадованно вспыхнула:

– Правда?

Я, воодушевленная ее реакцией, продолжала:

– Ага. Недавно она меня стукнула листочком с математикой. Вот так вот.

Анька совсем обиделась:

– Листочком, да? А ремнем не хочешь?

Нет, ремнем я не хотела, да и кто кого сейчас бьет ремнем, война-то давно закончилась.

С тех пор мы с Анькой завидовали друг другу черной завистью.

В день нашего рандеву мы бодро ехали по лесу, и сначала нам было весело и интересно – вокруг елки и снег, елки и снег. Но скоро мы очень устали, замерзли и еле передвигали ноги, но конца этой лыжне не было. Мы думали, что едем уже несколько дней, когда услышали «вжик-вжик» позади. Нас догнал дядька на лыжах и очень удивился, увидев двух девчонок в темном лесу. Мы заплетающимися языками любопытствовали, сколько еще километров осталось. Он, подумав, сказал, что еще больше половины. Эх, ну почему лыжники не берут с собой санки на такой случай, ведь как здорово было бы прокатиться с ветерком да с песней на тройке с впряженными в нее лыжниками.

Наверное, наши друзья уже закончили школу, и мы состарились. Я представляла, как мама вяжет мне кофту, сидя в кресле, а папа смотрит телевизор, и думала, что сейчас все бы отдала, чтобы оказаться дома в тепле, и пусть меня бьют хоть листочком, хоть носовым платком.

Вдруг посреди леса показался огонек, а рядом избушка. Я заплакала от счастья и собралась зайти на чай из самовара. Но Анька зашипела:

– Ты рехнулась? Они нас в снег закопают.

– Кто? Зачем?

– Ну должны же они избавиться от трупов.

Я не хотела, чтобы от моего трупa избавлялись, поэтому, собрав последние силы, осилила последний отрезок пути. Да, Анька знала жизнь, и знала, какими словами приободрить усталого друга.

У моего дома Анька, отвернувшись, буркнула:

– Иди. Тебя ждут, наверное.

Родители кричали, ругались, снимали с меня заледеневшую шубу, заворачивали в одеяла и грелки, наливали чай и растирали руки, при этом не переставая кричать. А я лежала под тремя одеялами и двумя грелками и, уже засыпая, думала:

– Какие же вы классные. Я. Вас. Люблю..

Кричать сразу перестали, потому что я пробормотала это вслух. Сквозь сон я вспомнила про Аньку:

– Интересно, как там она, наверное, ее тоже сейчас греют грелками и любят изо всех сил.

Утром родителей разбудили странные звуки, доносящиеся из прихожей, как будто кто-то делает глобальную перепланировку квартиры. Выйдя из комнаты, они увидели, как я папиным молотком методично разношу свои лыжи в щепки.

– Спит еще, наверное, – проанализировали они мои действия и пошли спать дальше.

Хряк Полкан

В папином гараже всегда было интереснее, чем в цирке, и даже в зоопарке. Кроме Витькиного снегохода, на котором среди елок особо не покатаешься, там временами случались блестящие представления и шоу. Например, однажды там поселился хряк какого-то Кольки, которого негде было держать, кроме как в папином гараже. Колькиному возмущению не было предела:

– Нет, ну а куда ж я его? На балкон что ль? Дом в деревне продали, а осенью забьем его, только лето продержаться.

Папа был полностью согласен, что на балконе, конечно, хряку не место, и прописал его вместе со снегоходом. Хряк, нареченный хозяевами Полканом, видимо, в надежде, что помимо продовольственных проблем он будет решать и прочие, оправдывать, так сказать свое содержание, оправдывал его как никто другой. В гаражах у кого-то жили куры, и даже коровы иногда бродили среди пятиэтажек в поисках жухлой травы. Но они были просто курами и коровами. А Полкан всем своим существованием доказывал, что вначале было слово. Назвали бы его Розочкой, и жили бы себе спокойно и счастливо. Но имя обязывало, и хряк, достойно носящий его, просто не мог не лаять.

Друг Колька виновато объяснял это тем, что с малых лет поросеночек жил рядом с собакой в будке, которую звали Полканом, поэтому и отзываться стал на это имя. И не видя днем с огнем ни одной свиньи вокруг, не слышал нормального свинячьего языка. Колька пытался похрюкивать, чтобы Полкан мог поговорить с ним, как с равным, но тот не понимал его рулад, и гневно облаивал. Гавкал он натурально, так что соседские собаки, не чуя подвоха, всегда поддерживали его громким лаем. Наш гараж был в полной безопасности, так как Полкан не только лаял, но и устрашающе бился всей тушей об дверь. Поэтому хозяева соседних гаражей решили, что папа завел не иначе как волкодава. Папа сам боялся ходить в гараж, пока там жил хряк Полкан. И Колька боялся. Не боялась только мама, с детства привыкшая ко всякого рода скотине. Эта зверюга ела из ее рук, поджав хвостик-завиток и радостно поскуливая. А потом валилась на пол кверху брюхом и блаженно повизгивала, пока мама его чесала. Мама очень жалела бедную свинку и вешала ей на уши лапшу медоточивым голоском:

– Ах ты мой хороший. Беденький. Зачем только этот дурень тебя завел. В такой стуже. Без хлева. Там откуда я родом свинки живут в уютном хлеву. И у тебя такой будет. И жена будет. Только ты должен научиться хрюкать. Вот так. Хрю-хрю. Слышишь? Попробуй.

– Х-р-ю...Х-р-ю.

Полкан верил каждому слову, урчал и честно пытался похрюкать, но на приличный свинячий хрюк это совсем не походило. Скорее на засор канализационной трубы.

Полканов хозяин предупреждал папу, а папа предупреждал маму, что свинку ни в коем случае нельзя выпускать на улицу.

– Это почему? – возмутилась мама.

– Я не знаю. Я ни при чем. Колька так велел.

– Ах, Колька велел? – мамин ласковый голосок не предвещал ничего хорошего, – а запелить вас самих в гараже он не велел? Гринписа на вас нет, варвары.

– А я чего? Я ничего. Я тебя предупредил, – ретировался папа.

Мама угрожающе топала к гаражу и бурчала:

– Велели они нам. Я им повелю. Изверги, садисты, изуверы, свиноненавистники.

Полкан при виде мамы изо всех сил пытался вилять своей закорючкой и радостно тьякал, тыкаясь пяточком в сумки с едой. Но на этот раз мама была настроена воинственно против всякого рода скотины и привязала ему на шею веревку:

– Полкашенька, пойдем подышим, дружочек. А то велели они – угрожающе потрясла она кулаком в сторону нашего дома – и распахнула дверь.

В следующую секунду мама поняла о чем говорил варвар Колька и побежала за припущившимся вскачь Полканом. Но куда там. Тот, окончательно определившись с вопросом – кто я, свинья дрожащая или лаять умеющий, носился по окрестностям быстрее чистокровной гончей, впрочем повизгивая и подтягивая при этом, как последняя шавка. Вонзившись с разбегу в груды кирпичей, Полкан с грозным рыком раскидал их, как стаю волков. А потом стал таскать в зубах какую-то корягу. Мама оскорбленно кричала:

– Ты свинья, Полкан! Неблагодарная!

Но тот мелькал среди елок и гаражей с выпученными глазами и развевающимися ушами, восторженно визжа, и распугав всех ворон. Вскоре он приобрел хвост из стаи бездомных собак, яростно его облаивающих и норовящих схватить за копыта. Если этот караван посыпать светящимся люминофором, то жители соседних планет могли бы наблюдать на ночном небе хаотичное движение кометы Галлеи. А самые суеверные готовились бы к концу света после такого судьбоносного знака.

Конечно, в наши дворы, соседствующие с гаражами, захаживали коровы и куры, но те вели себя прилично. Правда какая-нибудь упрямая корова вставала на дороге и хлопала глазами на пробку из воющих машин. А подобная процессия марафонцев пробежалась у нас впервые.

– Все. К тетке, в глушь, в Саратов. Сил моих нет, – причитала мама, ковыляя сзади и умоляя Полкана вернуться в родные пенаты. Когда тот устал от своего марафона, то просто резко остановился, истратив весь запас топлива, и свалился, как подкошенный, введя в недоумение свой шлейф из собак.

– Ну все, добежался, окорок проклятый, – подумала мама и побежала шупать пульс и делать искусственное дыхание. Но Полкан самодовольно заурчал, суча копытами, и перекатываясь с боку на бок, подставляя брюхо для процедуры почесывания.

– Все вы одинаковые. Ни стыда ни совести, ни чувства ответственности. Безалаберные, эгоистичные, инфантильные вредители, – читала мама нотации хряку, обобщая его то ли с остальными свиньями, то ли с папиными друзьями, пока прилаживала к загривку веревку. А потом, как Эсмеральда с хряком вместо козочки прошествовала под ошарашенными взглядами прохожих обратно к гаражам. Полкан покорно трусил рядом, разъезжаясь на копытах и виляя хвостиком. После праздничного забега мамы с хряком и собаками, она имела серьезный разговор с другом Колькой и папой, после чего хряк был выкуплен из рабства и отослан в деревню к свинье с нормальным традиционным свинским именем Зинка, которая научила новоиспеченного мужа прилично хрюкать и степенно сидеть в уютном хлеву, а не устраивать олимпиаду по окрестностям. Полкан, изведавший счастье супружества, вел себя чинно и благородно. Только иногда, когда собаки поднимали гвалт по деревне, он тоже срывался на лай, вспоминая свою бесшабашную молодость.

Федор Тихонович, Афродита и Пушок

У Лизы жили хомячки. Тридцать четыре головы. Или в чем там считают хомяков. Ее мама считала в тварях и мерзостях. Она не предполагала, что пара хомяков, поначалу не представляющая опасности, так быстро обзаведется детьми, внуками, правнуками и праправнуками. Лиза очень любила своих хомяков. Она была хомячковым идолопоклонником. Лиза умудрялась их даже выгуливать по очереди. Сначала строила временный вольер у подъезда в травке, потом выносила по дружественным группам.

Федор Тихонович выгуливался последним, в гордом одиночестве. Он и жил бобылем в трехлитровой банке, когда все остальные тридцать три штуки были счастливо женаты и собирались в скором времени заселить планету хомяками.

У Федора Тихоновича был вздорный характер. Он заставлял называть себя по имени-отчеству, и ни на каких Федей не откликался, в то время как других его родственников звали именами в градации от Семена до Звездочки и Бусика. Жениться отказывался наотрез. От предлагаемых невест демонстративно отворачивался в угол банки и начинал делать подкоп. У Лизиной мамы был кот Барс. Кот всеми лапами поддерживал хозяйку в дискриминации и унижении хомякового достоинства, считая, что планета должна быть заселена котами.

Однажды Барс медитировал, наблюдая с другой стороны банки за нехитрым бытом Федора Тихоновича. Он жмурился и мурлыкал, изредка лениво оглаживая лапой стенку банки. Федор Тихонович был занят своими повседневными делами, когда вдруг банка опрокинулась. Старый холостяк выбежал из горлышка, понюхал кота, который по правилам этикета вежливо понюхал его, и юркнул в Лизин школьный портфель, благодарно обустроившись в новой квартире на тетрадах.

В школе на уроке биологии в тот день изучали лук под микроскопами. Все ахали и восхищались луковым золотым сечением и пикантным вкусом. Дети торчали глазами в микроскопах, поэтому не видели, как Федор Тихонович, степенно выйдя из дома, осмотрелся и направился грызть карандаши Лизиной соседки, а потом полез на микроскоп, норовя втиснуться под линзу, чтобы и его личность рассмотрели и увидели, что Федор Тихонович в глубине души – нежный и ранимый, как цветок. Под линзу его голова не пролезла, и он стал изучать раздел «Млекопитающие» в учебнике биологии, проверяя на зуб прочность приматов. Федор Тихонович так пыхтел, что привлек к себе внимание общественности, и скоро девчонки визжали «Ай! Крыса!», а мальчишки кричали «Ура! Крыса!»

Федор Тихонович считал себя порядочным хомяком и не собирался терпеть такой фамильярности, поэтому побежал и укусил хозяйку за палец в знак протеста. Лиза успокоила всех, что это не крыса, а Федор Тихонович. Все сразу успокоились.

Скоро семья Лизы отправилась в отпуск. И родители собирались взять с собой в попутчики только Барса, а семейство хомяков, и даже Федора Тихоновича, брать категорически отказывались. Лизин папа аргументировал это тем, что у них нет прививок и поводков по правилам перевозки животных. Аргумент Лизиной мамы был проще: «Да пусть сдохнут, заразы».

У Лизы был младший брат, у которого была черепаха Афродита. Имя ей было выбрано не абы как, а вследствие ее неземной красоты и грации. Афродиту тоже не брали в отпуск с теми же аргументами. Барс ликовал, победно умываясь перед дорогой, дабы предстать пред очи курортных кошек благородным и элегантным котом. Смотреть на его сборы было печально, но открывать ему глаза на то, что хозяйева уже давно позаботились о том, чтобы Барс мог любить лишь своим горячим сердцем, было бы слишком жестоко. Пусть себе готовится к свадьбе, как невеста, которая не знает, что жениха не будет.

Лиза вспомнила про мою добрую душу и упростила меня взять на пансион тридцать трех хомяков и Федора Тихоновича с Афродитой. Долго меня упрашивать не пришлось – я всегда

любила зверушек и сразу согласилась. Только про Федора Тихоновича и Афродиту не сразу поняла.

Дома у меня жил кот Пушок, папа и мама, которая боялась мышей. Когда в подвале дома грызуны нагнали и от безнаказанности выскакивали на лестничную площадку, мама верещала и взлетала вверх по перилам не хуже Мэри Поппинс. Я упивалась властью над ней, когда она ждала меня на улице, чтобы я проводила ее домой, предварительно разогнав мышей в подъезде.

Когда я принесла домой племя хомяков в банках и Афродиту, я знала, что хомяки – не мыши. Но для мамы с Пушком, как оказалось, даже лемуры – мыши. Поэтому весь двор слышал, как мама визжит, бегая по квартире, а обретя вновь дар речи, забравшись на шкаф, оскорбляет ни в чем не повинных хомяков «гадостью» и «мерзостью». Думаю, Лизкина мама с удовольствием к ней присоединилась бы, и сидели бы они рядышком под потолком, обзывая порядочных хомяков и придумывая им новые нелестные эпитеты. Даже Федора Тихоновича мама обозвала мерзкой крысой. А Афродиту вообще гадиной с тазиком.

Чтобы пресечь конфликт видов и спустить маму со шкафа, пришлось одну комнату отдать хомякам и черепахе. Ну и мне, разумеется. А в другой комнате поселились мама, папа и Пушок, объединившиеся против нас всех.

Афродита не могла сидеть в одном месте и ползала по всей квартире, дабы явить миру свою неземную красоту. Мама не прыгала от нее по шкафам, а только бросала презрительные упреки и называла сколопендрой. Пушок наматывал вокруг черепахи круги, начиная издалека и постепенно сужаясь к эпицентру. Он старательно выгибался дугой и шипел, но Афродите его выкрутасы были по барабану, и она знай себе ползла куда надо. Когда Пушку надоело выделываться без толку, он просто спокойно вставал на траектории черепахи и, прищурившись, ждал, когда она в него упрется лбом. Афродита тыкалась в шерстяное брюхо, как робот-пылесос, а Пушок ласково прижимал ее лапой к полу и ложился сверху, довольно мурча. Афродита сучила лапами и вытягивала голову, совершая ею вращательные движения, выпучивая глаза и широко открывая пасть, – сразу отпадали вопросы о происхождении ее имени, ну чем не богиня красоты. А Пушок, совершенно привыкнув к своей подруге, начищал ей языком панцирь до блеска. И очень беспокоился, когда я выносила Афродиту пожевать одуванчиков на улице.

Хомяки его больше не интересовали. Даже когда Федор Тихонович снова выбрался на свободу и разгуливал по дому, обнюхивая углы, Пушок только приоткрыл один глаз, посмотрел на хомяка и громче замурлыкал, обнимая лапами спящую Афродиту. Тихонович расценил это как карт-бланш своим действиям и залез в мамину сумку.

Я не была в маминной поликлинике, когда там с визитом объявился Федор Тихонович. Но по маминым междометиям, которые она издавала, я поняла, что порядочных хомяков не жалуют и там. К тому же в отсутствие платяных шкафов, маме пришлось запрыгнуть на стол с инструментами, при проектировании которого не учитывались такие прецеденты. Мама свалила стол и автоклав. А мне пришлось бежать спасать Федора Тихоновича, пока его достоинство не пострадало. Он сидел в изоляторе. В судне. И дождался, когда его одарят должным вниманием и уважением. Пришлось приносить ему извинения и заверения в том, что на его права и свободы никто не посягал. Я проводила маму с Федором Тихоновичем до квартиры, и они разошлись по своим комнатам, хлопнув дверью. Вся эта кутерьма не затронула только сладкую парочку Афродита-Адонис в углу.

Скоро приехала Лиза и забрала свой зверинец, осведомившись у Федора Тихоновича о его здоровье и поздравив несколько молодых семей с пополнением, надеясь, что ее мама не умеет считать до сорока.

Мама с папой устроили праздник, а мы с Пушком-Адонисом, который искал свою Афродиту под всеми тумбочками, грустили и не понимали, зачем всего троим человекам и одному коту целых две комнаты. Ведь у нас еще можно было бы поселить не только хомяков и чере-

пах, но даже, смею предположить, и верблюда. Я нашла в журнале примерные размеры среднестатистического верблюда, и могу вас заверить, что наша квартира больше. Так что верблюд влезет, и даже не один.

"Волк и семеро козлят" на самый новый лад

Весь мир – театр. И если бы это не сказал Шекспир, это сделала бы я. Наш класс был единственный в школе, который не пыжился, репетируя каждый год роли то кавказских пленников и Му-му, то Катерин и Татьян, чтобы поразить зрителей режиссурой и игрой актеров по Станиславскому. Мы же откровенно халтурили и каждый раз ставили один и тот же «мюзикл» «Волк и семеро козлят». И надо сказать, именно выход козлят срывал овации. Почему, никто не знает, чесслово. Возможно, знал Станиславский. Но он не приходил на наши выступления. Телевидение приходило, радио приходило, газеты приходили, Станиславский – нет. Вся школа обижалась: они тоже могли бы выйти и поскакать козлами, а не разучивать монолог Чацкого.

Скакать козлами было весело. И почему этого не делала вся школа – вопрос, на который нет ответа. Наш номер был незамысловат. Под аккомпанемент пианино по сцене прыгали то семь девочек в красных юбках, то мама-коза, то волк, то петух, то все вместе. Больше мы ничего не делали. Только прыгали в нужный момент в нужном месте и иногда жестикуляцией и мимикой изображали соответствующий сюжетный ход. Как это все выглядело, я не знаю, так как сама была козленком. И, признаюсь, это мне было по душе. Видимо, бесцельные прыжки и ужимки – мое амплуа. Генка всегда был волком, потому что у него был костюм волка. Его даже пытались переманить лицедеи из 6 «Б» на роль Дубровского, – говорили: «Мы тоже можем мюзикл и поскакать, только волка дайте!»

Однажды наш мюзикл выполнил неожиданный сценарный ход, значительно уклонившись от традиций в сторону постмодернизма, чем окончательно покорила фанатов и поклонников, решивших, что это нечто новое, свежее и креативное. Но мы были ни при чем. При чем был школьный завхоз, вымазавший свежей краской угол на сцене за пианино накануне праздника. Завхоз, который не мог знать, что наш волк падает от краски в обмороки. 6 «В» тоже этого не знал – и обзавидовался: у них как раз в спектакле планировался обморок барышни, который они репетировали денно и ночью, падая то тут, то там, и пугая учителей и родителей. Иначе уж запаслись бы они ведром краски и уж нашли бы несчастного, который валится без чувств, нанюхавшись ее.

В день нашего аншлага мы отработанными годами прыжками выплыли на сцену и, попрыгав немного для виду, стали ждать действий со стороны волка, который стоял за пианино и собирался нас сожрать. Но, видимо, личность волка эволюционировала до стадии саморефлексии и осознанности, и он боролся со своей изменчивой природой, стоя в углу и не делая никаких телодвижений в сторону козлят. Козлята сделали еще круг талантливых скачков, кося глаза на волка и демонстрируя типичное поведение жертвы. Между прочим, прыгали мы не хаотично, не кто во что горазд. У нас была ведущая прима – Ирка, которая скакала, как жила, и вела за собой козлиный балет, как Майя Плисецкая лебедей.

Мы наворачивали третий круг, злобно испепеляя взглядом волка, вступившего на путь осознанности, когда он вдруг, возможно, постигнув состояние высшего просветления никак не меньше тибетского монаха, рухнул под ноги нашей прима-балерине. Ирка, ничего не понимающая в техниках личностного роста, взвизгнула от неожиданности и резко остановилась. Весь кордебалет, продолжающий в своей неосведомленности ретиво скакать, сложился гармошкой и попадал друг на друга. Под задорную мелодию свалившиеся в кучу волк и козлята выглядели весьма новаторски и креативно, а мюзикл, оставив позади традиции и все святое, влился в модную волну новых интерпретаций и толкований.

Пока зрители пытались осмыслить, какой посыл несет новое прочтение детской сказки, и что мы сейчас хотим сказать нашей живописной инсталляцией, пирамида из козлят зашевелилась и снова весело запрыгала, а волк, покачиваясь на четвереньках, искал пути схода со

сцены, путаясь в ногах у козлят. Тем временем мама-коза, в исполнении отличницы и спортсменки Маринки, поняла, что постановку пора спасать, иначе это провал.

Поддавшись эстетическому экстазу и материнскому инстинкту, Маринка вдруг ни с того ни с сего огрела волка-Генку по голове корзинкой с цветочками. Волк, и так еле державшийся на ногах, снова свалился к ногам рогатого скота. Я была бы не я, если бы позволила лупить своего лучшего друга. Поэтому я тоже поддаюсь инстинктам и схватила маму-козу за рога, а мама-коза схватила за рога меня. Сцепившись в мертвой схватке, мы кружились, метафорически иллюстрируя вечную тему отцов и детей, плавно перейдя от фольклора к Тургеневу.

Такое разрушение канонов не снилось даже театру Мейерхольда. Мы бы дошли и до Сэлинджера в освещении проблемы противостояния поколений, если бы нас не расцепили и не стащили со сцены под бурные аплодисменты. Зал ревел и кричал «Браво!» и «Бис!», но мы бы не смогли повторить эту последовательность действий, даже если бы захотели. Правда, некоторые рогатые все еще рвались в бой и рыли копытом пол, перенеся место действия в зрительный зал, который совсем сошел с ума и уже вместо "Бис" и "Браво" ревел «Давай, козлина!»

б "Г" уныло стоял у стенки, понимая, что сейчас их нудный "Морозко" закидают помидорами. Поэтому их можно было понять, когда они не выдержали и с криком – «Козлы убогие!» бросились на клубок из козлят, разбавив его человеческими персонажами, и радуя зрителя традиционной комедией положений.

Конфликт стилей и жанров нарастал и грозился втянуть в себя и б "Е", посягнув на Пушкина. Но артисты совершенно успокоились, когда порвали Морозкину шубу и бороду, как символ классицизма и консерватизма, а бегающие рядом на подтанцовках в хаотичном движении учителя, воспользовались минутой тишины и растащили артистов по закулисию.

Зал снова орал "Бис". Но на сцену выполз б "Е" с грустными Салтаном и Гвидоном, которых публика встретила разочарованным гудением и требованиями вернуть козлятник на сцену. Но козлятниклизывал раны и составлял список врагов. На этой позитивной ноте на сцену вышел директор и, угомонив публику в громкоговоритель, объявил о том, что концерт окончен. Грустные Салтан с Гвидоном поплелись обратно под жидкие хлопki своих родителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.